

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А

города Москвы

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием представителя заявителя К. – В. (доверенность ... от 26 мая 2021 года, удостоверенная Ц., нотариусом города Москвы, и зарегистрированная в реестре за № ...) и адвоката П., рассмотрев посредством видео-конференц-связи в закрытом заседании дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе К. от 05 февраля 2021 года (вх. № ... от 26.02.2021), в отношении адвоката П. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 26 мая 2021 года адвокат П. нарушил ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в принятии им 01 сентября 2020 года поручения на представление интересов истца Е. в К. районном суде города Москвы по гражданскому делу № ..., в котором Е. предъявил иск к наследственному имуществу умершего 07 августа 2019 года К.С., ответчиком по которому была привлечена его дочь К., в то время как адвокат П. ранее оказывал юридическую помощь К.С., осуществляя в 2015-2016 годах представительство интересов К.С. в гражданских делах К. районного суда города Москвы № ... по иску компании «М.» к К.С. о взыскании денежных средств по договору поручительства и в Х. районном суде города Москвы № ... по иску К.С. к ООО «Д.» о взыскании суммы долга по договору займа, что привело к подрыву доверия к адвокату П. со стороны правопреемника его доверителя К.С. – К.

В оставшейся части дисциплинарное производство признано подлежащим прекращению вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката П. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат П. в заседании Совета подтвердил своевременность получения Заключения Квалификационной комиссии от 26 мая 2021 года и ознакомление с ним. С выводами Комиссии адвокат П. согласился в части утверждения о необходимости прекращения дисциплинарного производства. Дополнительно адвокат П. указал, что не имел намерения подрывать авторитет института адвокатуры. Что касается направления запросов, то их

целью было получение информации о лице, который представлял интересы К.С. В целом, адвокат П. поддержал доводы своих ранее представленных письменных возражений.

Представитель заявителя К. – В. в заседании Совета подтвердил своевременность получения Заключения Квалификационной комиссии от 26 мая 2021 года и ознакомление с ним. С выводами Комиссии согласился в полном объеме.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав явившихся участников, Совет признаёт фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, но не соглашается с их правовой оценкой Комиссией в части признания адвоката П. нарушившим положения «ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката» и признаёт эту оценку ошибочной. Приходя к такому выводу, Совет исходит из следующего.

Материалами дисциплинарного производства установлено, что адвокат П. с 2015 года оказывал юридическую помощь отцу заявителя К. – К.С. Предмет оказания юридической помощи заявителем не конкретизирован и установлен Квалификационной комиссией на основании следующих доказательств:

(1) нотариально удостоверенной доверенности ... от 11 июня 2015 года, которой К.С. уполномочил адвоката П. быть его представителем во всех судах Российской Федерации, выданной сроком на два года;

(2) материалами гражданского дела № ... по иску компании «М.» к К.С. о взыскании денежных средств по договору поручительства, в том числе: протоколом судебного заседания К. районного суда города Москвы от 08 июля 2015 года, апелляционным определением от 28 августа 2015 года судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда по гражданскому делу № ... (в апелляционной инстанции делу был присвоен № ...) и протоколом судебного заседания суда апелляционной инстанции от 28 августа 2015 года по этому же гражданскому делу;

(3) материалами гражданского дела № ... по иску К.С. к ООО «Д.» о взыскании долга по договору займа, рассмотренному Х. районным судом города Москвы 23 мая 2016 года с вынесением решения об удовлетворении иска К., апелляционным определением от 26 сентября 2016 года судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда по гражданскому делу № ... (в апелляционной инстанции делу был присвоен № ...), которым апелляционная жалоба Е. была оставлена без рассмотрения.

В судебных разбирательствах по гражданским делам № ... и № ... адвокат П. принимал участие в качестве представителя К.С., чьи полномочия основаны на нотариально удостоверенной доверенности. При этом, постановленное с участием представителя истца К.С. – адвоката П., решение Х. районного суда города Москвы от 23 мая 2016 года по гражданскому делу № ... в пользу истца К.С. было обжаловано Е. в суд апелляционной инстанции. На этом основании Квалификационная комиссия предположила, что не позднее 23 мая 2016 года (дата вынесения решения Х. судом города

Москвы об удовлетворении иска К.С.) между доверителем адвоката П. – К.С., и Е., обжаловавшим данное решение суда, возник конфликт интересов.

07 августа 2019 года умер доверитель адвоката П. – К.С.

05 февраля 2020 года, то есть за два дня до истечения шестимесячного срока, установленного законом для вступления наследников в права наследования после смерти К.С., в К. районный суд города Москвы поступило исковое заявление Е. о взыскании задолженности в размере ... за счет наследственного имущества умершего К.С. В исковом заявлении содержится указание на то, что оно предъявляется Е. до принятия наследства после смерти К.С. его наследниками.

Как следует из искового заявления Е., 24 декабря 2010 года между Е., являющимся кредитором, и ООО «Д.», являющимся заемщиком, был заключен договор займа № 1.

26 мая 2015 года Е. и К.С. заключили договор поручительства к договору займа № 1 от 24 декабря 2010 года, согласно условиям которого К.С. обязался до 26 мая 2020 года солидарно с ООО «Д.» отвечать за исполнение обязательств по возврату займа Е.

Решением Арбитражного суда города Москвы по делу № ... от 11 июля 2017 года ООО «Д.» было признано несостоятельным (банкротом), и в отношении него было объявлено конкурное производство. После реализации имущества ООО «Д.» в рамках конкурсного производства конкурному кредитору Е. были выплачены денежные средства в размере ... рублей, что составило лишь часть долга ООО «Д.» перед Е., поэтому он 05 февраля 2020 года предъявил иск к имуществу умершего поручителя К.С. на сумму невозвращенного ООО «Д.» долга и процентов по нему в размере

10 февраля 2020 года исковое заявление Е. было принято К. районным судом города Москвы к своему производству, и гражданскому делу был присвоен № ... (в 2021 году делу присвоен № ...). Интересы Е. в данном деле представляет адвокат П.

Квалификационная комиссия пришла к выводу о том, что предъявлением иска к наследственному имуществу умершего К.С. Е. подтвердил, что его интересы противоречат интересам К.С., и, как следствие этого, интересам наследника К.С. – К.

Данное юридически значимое обстоятельство, по мнению Квалификационной комиссии, было известно адвокату П., который в 2015-2016 года оказывал юридическую помощь К.С., в том числе и по гражданскому делу № ... по иску К.С. к ООО «Д.» о взыскании долга по договору займа, рассмотренному Х. районным судом города Москвы 23 мая 2016 года с вынесением решения об удовлетворении иска К.С., на которое Е. была подана апелляционная жалоба.

05 марта 2020 года К. нотариусом города Москвы Ц. было выдано свидетельство о праве на наследство по закону на имущество ее отца – К.С., после чего К. была привлечена в качестве ответчика по гражданскому делу № ... (в 2021 году делу присвоен № ...).

Совет признает описанные выше фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией. Между тем, выводы Квалификационной комиссии, основанные на указанных фактических обстоятельствах, Совет признает ошибочными.

Прежде всего, Совет отмечает, что дисциплинарное производство носит публично-правовой характер, в связи с чем основывается на презумпции добросовестности адвоката, обязанность опровержения которой возложена на заявителя (участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности), который должен доказать те обстоятельства, на которые он ссылается как на основания своих требований. Публично-правовой характер дисциплинарного производства и презумпция добросовестности адвоката обязывают участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, представить совокупность доказательств, которая бы вне разумных сомнений опровергла позицию адвоката. Причем стандарт доказывания «вне разумных сомнений» не позволяет дисциплинарным органам Адвокатской палаты города Москвы использовать различные предположения в обоснование опровержения презумпции добросовестности адвоката.

Несмотря на это, Квалификационная комиссия, оценивая правильно установленные ею фактические обстоятельства, пришла к предположительным выводам о возникновении конфликта интересов между доверителем адвоката П. – К.С., и Е.

Совет обращает внимание, что спор между К.С. и ООО «Д.», рассмотренный Х. районным судом города Москвы 23 мая 2016 года, не касался взаимоотношений между К.С. и Е. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что апелляционная инстанция – Московский городской суд – в апелляционном определении от 26 сентября 2016 года по делу № ... оставила без рассмотрения апелляционную жалобу Е. на решение Х. районного суда города Москвы от 23 мая 2016 года в связи с тем, что «Е. участником спорных отношений не являлся», а «решение суда не содержит каких-либо суждений о правах и обязанностях Е.». Поэтому вывод Квалификационной комиссии о том, что не позднее 23 мая 2016 года (дата вынесения решения Х. судом города Москвы об удовлетворении иска К.С.) между доверителем адвоката П. – К.С., и Е., обжаловавшим данное решение суда, возник конфликт интересов, является предположением. Само по себе обращение Е. в суд апелляционной инстанции не может свидетельствовать о наличии конфликта интересов между ним и К.С.

Совет отмечает, что причины обращения не привлеченного к участию в деле лица с апелляционной жалобой на решение суда первой инстанции могут быть различными. В числе прочих, такими причинами могут быть неправильно понимаемое право на обжалование и намеренное злоупотреблением правом на обращение в суд.

Из анализа приведенных выше судебных актов невозможно сделать определённый вывод о возникновении конфликта интересов между Е. и К.С.

В свою очередь, заявитель К. не представила доказательств, подтверждающих достоверную причину обращения Е. с апелляционной жалобой на решение Х. районного суда города Москвы от 23 мая 2016 года.

Совет также не может согласиться с выводом Квалификационной комиссии о том, что предъявлением иска к наследственному имуществу умершего К.С. Е. подтвердил, что его интересы противоречат интересам К.С., и, как следствие этого, интересам наследника К.С. – К. Совет отмечает, что обращение с указанным иском является законной и логичной процедурой защиты имущественных прав в исключительной ситуации – смерти поручителя по договору займа, которым оказался К.С.

Как правильно установлено Квалификационной комиссией, К.С. добровольно принял на себя обязательства поручителя 26 мая 2015 года по договору займа № 1 от 24 декабря 2010 года, по которому Е. выступал в качестве займодателя. Поэтому само по себе использование фактически единственной судебной процедуры в сложившейся правовой ситуации не может автоматически свидетельствовать о конфликте интересов между Е. и К.С. Это обстоятельство не исключает потенциально возможного конфликта интересов между наследниками К.С., заинтересованных в сохранении наследственного имущества, и Е., который намерен возратить сумму займа за счет имущества поручителя.

Наконец, заявитель не указал, какие именно сведения, полученные адвокатом П. в ходе оказания юридической помощи К.С., он использовал при подготовке и подаче искового заявления Е. в К. районный суд города Москвы и в ходе представления интересов последнего в споре с наследниками К.С. Не представлено и доказательств такого использования адвокатом П. конфиденциальных сведений, при этом сам он такое использование категорически отрицает.

Совет обращает внимание на то, что на момент заключения договора займа от 24 декабря 2010 года № 1 и договора поручительства от 26 мая 2015 года, в соответствии с которым К.С. обязался до 26 мая 2020 года солидарно с ООО «Д.» отвечать за исполнение обязательств по возврату займа Е., адвокат П. не оказывал юридическую помощь К.С. В связи с этим адвокат П. не обладал какой-либо информацией о данной сделке на момент ее совершения.

Представляя интересы К.С. по гражданскому делу № ... по иску компании «М.» к К.С. о взыскании денежных средств по договору поручительства, адвокат П. также не мог получить какую-либо информацию о своем доверителе – К.С., которая могла бы быть использована по гражданскому делу № ... (в 2021 году делу присвоен № ...) по иску Е. к К. Совет отмечает, что в гражданском деле по иску компании «М.» к К.С. Е. не принимал участия и не имел какого-либо интереса как к существу спора, так и к сторонам.

Что же касается гражданского дела № ... по иску К.С. к ООО «Д.» о взыскании долга по договору займа, рассмотренному Х. районным судом города Москвы 23 мая 2016 года с вынесением решения об удовлетворении

иска К.С., то как указано выше со ссылкой на вывод суда апелляционной инстанции, права Е. в ходе данного разбирательства не затронуты. Поэтому адвокат П. не мог получить какие-либо сведения, которые впоследствии могли бы быть использованы против интересов умершего К.С. по гражданскому делу № ... (в 2021 году делу присвоен № ...) по иску Е. к К.

Жалоба К. и приложенные к ней документы не содержат конкретных сведений, которые бы свидетельствовали о том, что адвокат П. в ходе рассмотрения гражданского дела № ... (в 2021 году делу присвоен № ...) по иску Е. к К. в К. районном суде города Москвы использовал против К. какие-либо конфиденциальные сведения, полученные от своего бывшего доверителя К.С.

Кроме того, Совет обращает внимание на то, что для надлежащей оценки и выводов относительно поведения адвоката П. недостаточно указаний в жалобе на то, что «...предъявленные иски, требования, поддерживаемые адвокатом П., касаются периода жизни моего отца (май 2015 года), в котором, по утверждению самого же П., он (П.) был адвокатом К.С. и оказывал ему юридическую помощь». Как уже было отмечено выше, на момент заключения спорных договоров, адвокат П. не оказывал юридическую помощь К.С. (договор поручения подписан 26 мая 2015 года, а доверенность выдана адвокату П. 11 июня 2015 года). Каких-либо иных конкретных данных в жалобе и приложенных к ней документах не содержится.

Квалификационная комиссия пришла к правильному выводу о том, что заявитель К. не предоставила документального подтверждения своего утверждения о том, что адвокат П. пытался передать в материалы гражданского дела № ... доверенности, выданные ему в 2015 году К.С.

В отсутствие достаточных и достоверных доказательств конфликта интересов К.С. и Е., а также в отсутствие доказательств каких-либо действий адвоката П., противоречащих интересам бывшего доверителя К.С., и использования полученной от него конфиденциальной информации вопреки его интересам, сам по себе факт принятия адвокатом П. поручения Е. по иску против дочери К.С. - К. дисциплинарного нарушения не образует.

Таким образом, Совет приходит к выводу о том, что заявитель К. не опровергла презумпцию добросовестности адвоката П.

Одновременно с этим Совет обращает внимание на порок правовой квалификации дисциплинарного нарушения в Заключение Комиссии. Согласно резолютивной части Заключения адвокат П. нарушил ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката. Между тем, ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката содержит три пункта, каждый из которых предусматривает самостоятельные требования и запреты. Таким образом, Квалификационная комиссия в своём Заключении не указала, какое именно положение ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката она считает нарушенным адвокатом П. Отсутствие необходимой конкретизации правовой квалификации дисциплинарного проступка само по себе не позволяет Совету согласиться с Заключением Квалификационной комиссии.

По этим причинам Совет, вопреки Заключение Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в правовой оценке деяния адвоката и толковании норм Кодекса профессиональной этики адвоката, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в полном объеме вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката П. нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

р е ш и л:

Прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката П. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), возбужденное по жалобе К. от 05 февраля 2021 года (вх. № ... от 26.02.2021), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

И.А. Поляков